

Глава 1

Над непокрытой пегой головой старца на крепкой руке с плетью, распустив крыла, восседал филин, и огненный птичий взор был глубок и бесконечен, как вечность...

Спички выпали из рук Мамонта, коробок, будто камешек, ушёл в рыхлый снег. Инга ликовала, совершенно забыв, что стоит босая.

— Смотри! Человек! Это человек!

— Атенон, — выдохнул Мамонт. — Великий Гой...

— Что? Что ты говоришь?

Она трясла его за руку.

— Ты знаешь его? Ты знаешь этого человека?

Владыка Святых Гор приближался медленно, освещая себе путь в голубеющих сумеречных снегах. Кажется, время остановилось, а вместе с ним беспорядочный и бесконечный ток мысли. И всё, что мгновение назад казалось важным — жажда тепла, огня, жизни, — вдруг потеряло всяческий смысл. А Инга чего-то испугалась и, прячась за спину Мамонта, зашептала срывающимся, хриплым от простуды голосом:

— Он — добрый? Он не сделает зла? Мне страшно, слышишь? Страшно.

— Не бойся, — вымолвил он. — Это Святогор, прикосновение к вечности... Видишь, птица над головой?

— Где — птица? Какая птица?..

— Филин! На руке... Знак высшего разума и власти. И свеча!

— Не вижу... свечи! — Инга дрожала. — И птицы не вижу...

— Потому что ты слепая! Открой глаза!

— Мамонт!.. Это же тень, какая-то фигура...

Он шагнул навстречу Атенону, воздел руки.

— Ура! Я Странник!

Владыка остановился, отвёл свечу от лица. Оставалось не больше десятка метров, ясно различался зеленоватый

огонь птичьих глаз, свисающие крылья, изморозь на пегой бороде...

— Это же... не человек, Мамонт! — в страхе зашептала Инга, цепляясь за одежду. — Зверь... Чудовище!

Атенон вдруг развернулся и направился в гору, будто предлагая тем самым следовать за ним. Мамонт пошёл, однако спутница ухватила руку, рванула назад.

— Не ходи! Прошу тебя!

Он попытался стряхнуть её и, когда не получилось, чуть ли не волоком потащил за собой по снегу. Инга выпустила руку, но не сдалась, забежала вперёд и кошкой прыгнула ему навстречу, ударив головой в лицо.

— Стой! — внезапно прорезался и зазвенел её голос. — Не пушу!

Мамонт не почувствовал боли, однако ощутил горячую кровь, хлынувшую из разбитого носа. Свет в руке Атенона померк. Он обернулся, поджидая Странника, и внезапно обратился в косматое чудовище с пылающим взглядом круглых птичьих глаз. Заиндевелая на холоде шерсть покрывала его с головы до ног...

— Мамонт, миленький, не ходи! — уже молила Инга, повиснув на шее.

Преображение было настолько внезапным, что образ Владыки Святых Гор ещё стоял перед глазами, сдваиваясь с чело-векообразным существом. Мамонт взял горсть снега, утёр лицо, размазывая кровь. Сознание медленно возвращало его в реальность, отзываясь в затылке похмельной головной болью. Он просунул руку под фуфайку, непослушными, скрюченными пальцами нащупал пистолет. Снежный человек слегка присел и вроде бы оскалился.

— Зямщиц! — позвал Мамонт. — Почему ты ходишь за мной?

Он был не уверен, что это существо — тот самый несчастный Зямщиц, выпущенный Дарой на Алтае. Этот был на голову выше и шире в плечах. Услышав голос, он сделал мягкий скачок вперёд, словно пугая странников, и, помедлив, пошёл вокруг них. Мамонт отвёл рукой Ингу и взвёл курок.

— Уходи!

Выстрел треснул негромко, но откликнулся в горах раскатыстым, звучным эхом.

Он не боялся выстрелов, поскольку так же мягко присел, сунул руку в снег и поднял камень размером с человеческую голову.

— Не стреляй, — вдруг попросила Инга и шагнула вперёд. — Что тебе нужно? Кто ты?.. Мы не хотим тебе зла, уходи от нас.

Мамонт держал его голову под прицелом, любое движение рукой с камнем — и разнёс бы ему череп: с десяти метров не промахнёшься.

Снежный человек попятился, однако не выпустил булыжника.

— Иди, ну иди же! — поторапливала Инга, медленно наступая. — И больше не приходи к нам, если не хочешь сказать, что тебе нужно.

Когда между ними осталось метра четыре, мохнатый скиталец медленно развернулся и подался в гору, безбоязненно подставляя широкую спину под выстрел. По пути выбросил камень и оглянулся, неприятно блеснув своим нечеловеческим взором. Несколько минут его высокая фигура маячила на фоне белеющего снега, пока не растворилась среди тёмных пятен высоких камней.

— А я замерзаю, — вдруг просто сказала Инга и села в сугроб.

Она сама была как снежный человек, босая, и снег уже не таял на её ступнях. Мамонт расстегнул фуфайку, поднял свитер и сунул её ноги себе под мышки. Будто положил два ледяных камня...

— Ничего, — пробормотал он сквозь зубы. — Сейчас согрею...

Согнув её пополам, он подхватил Ингу с земли и понёс к куче заготовленных и уложенных для костра дров.

— Ноги не чувствуют тепла, — сказала она. — И кажется, ты ледяной.

— У тебя есть спички? — безнадёжно спросил Мамонт. — Я где-то уронил коробок...

— Спички давно кончились, — со вздохом проговорила Инга. — Я поддерживала огонь...

Не выпуская её из рук — под мышками уже ломило от холода, — он встал на колени и принялся ощупывать снег возле дров: где-то здесь выпали спички... Впрочем, минутное затмение разума напрочь отключило сознание, и свет от свечи, рождённый воображением, спасительный и вожделенный, грел в этот миг жарче всякого костра. Он перелопачивал снег до тех пор, пока тот не перестал таять на руках.

— Говорят, смерть от холода приятна, — сообщила Инга. — Надо только обняться покрепче и закрыть глаза...

— Прекрати!

Он ударил её по лицу деревянной ладонью — голова мотнулась.

— Ни слова о смерти!

— Нас найдут весной, когда растает снег, — продолжала она. — Если это чудовище не съест или звери...

— Язык отрежу! — рявкнул он, наливаясь злобой. — Где спички?! Где я уронил спички?!

— Не знаю... Не заметила.

Мамонт сунул пальцы в рот, пытаясь отогреть и вернуть им чувствительность. Снег вокруг кучи дров был уже истоптан ногами и коленями, перемешан; искать сейчас маленький коробок — всё равно что искать иголку в сене. Если бы ещё не ноша, висящая на груди и ледяными ногами холодящая лёгкие и сердце!..

— Найду! Сейчас! — стервенея от злости, процедил он и вскочил на ноги. — Только нужно согреться!

Около получаса, увязая в снегу и радуясь сопротивлению пространства, Мамонт бегал по открытому месту — в гору и с горы, пока его не пробил пот. Волосы на голове смёрзлись, и из-под них, как из-под шапки, бежали горячие капли. Но Инга продолжала замерзать, ноги по-прежнему оставались холодными и неподвижными.

— Всё! — крикнул Мамонт и швырнул её в сугроб. — Будешь выживать сама!

Он растёр её ступни ладонями, затем скинул разогретые сапоги — поочерёдно, чтобы сохранить тепло, — намотал на ка-

менные серые ноги портянки и натянул обувь, как на манекен. Поднял с земли, поставил, толкнул под гору.

— Бегом!

Инга сделала пару неуверенных шагов, рухнула лицом в снег.

— Встать! — Мамонт выхватил из кучи дров палку. — Встать, сказал!

Она приподнялась на руках и вдруг улыбнулась, с растрескавшихся губ засочилась кровь.

— Мне уже хорошо, тепло...

Мамонт ударил её раз, другой — Инга только улыбалась, не чувствовала боли. Тогда он снова поставил её на ноги и потянул за собой. Спутница едва перебирала ногами, каждую секунду готовая упасть в снег и увлечь за собой Мамонта. Он втоптал её в гору проторённым следом, а с горы потянул целиной.

— Бегом! Носом дышать!

От напряжения лицо её ещё больше посерело, вытянулось, нос заострился. Первый круг не разогрел её, но вернул к ощущению реальности; Инга стала чувствовать боль, дыхание сделалось стонущим и хриплым. На втором круге, когда бежали с горы, Мамонт понял, что у самого отмерзают ноги в одних тонких носках, пальцы стали деревянными.

— Ну, жить хочешь? — спросил он, встряхивая Ингу за плечи.

— Хочу, — пролепетала она. — Только ноги...

— Болят?

— Нет, не болят...

— Это плохо! Плохо! Должны болеть! Бегом!

Нарезая этот круг по целинному снегу, он уклонился вправо и, увлечённый бегом с горы, не заметил, как миновал кучу дров, углубившись в лес. Снегу здесь было мало, по щиколотку, а спуск довольно крутой. Бежали, пока дорогу не перегородила упавшая старая сосна, зависшая кроной на других деревьях и напоминающая шлагбаум. Мамонт перевёл дух. Пока не остыли пальцы, следовало разуть Ингу и теперь самому спасать ноги. Он усадил её на валежину, взялся за сапог, но она неожиданно толкнула его.

— Не отдам!

Хотела жить! Мамонт схватил её за обе ноги.

— Молчать! У меня тоже отмерзают пальцы!

— Я девушка! — внезапно вспомнила она и осеклась.

— Ты не девушка! — прорычал он. — Ты странница! Мы оба с тобой!..

Она стала бить его кулачками по голове и лицу, сквозь хрип воспалённого дыхания слышались слёзы.

— Как ты можешь?.. У меня только начали согреваться ноги!..

— Читай стихи! — крикнул Мамонт. — Ты же писала стихи? Читай!

— При чём здесь стихи?!

— При том, что ты теряешь рассудок!

Инга резко перестала сопротивляться, и чтобы не упасть с валежины, пока он стаскивает сапоги, вцепилась в его заиндевевшие волосы. Мамонт ощупал её ступни — всё ещё лёд... И портянки холодные. Он надел один сапог, взялся за другой, и тут Инга неожиданно выпустила его волосы, сказала со знакомым затаённым страхом:

— Смотри! Там есть жизнь? Или нет?

Она указывала куда-то под колодину.

— Что там?

— Смотри! Если идёт пар, значит, там есть тепло. Разность температур...

Из-под валежины, на которой сидела Инга, в двух метрах от неё действительно курился слабый парок, чуть больше, чем от чашки с горячим чаем.

— Что, если здесь — выход? Который мы ищем...

В голове блеснула молния! Точно! Вход в пещеру начинался возле склонённого дерева! Правда, были ещё приметные камни, которых здесь почему-то нет, и, кажется, не было вокруг такого густого леса... Но сейчас зима, изменилась обстановка, да и совсем иная, хотя и сходная ситуация: тогда на руках был раненый Страга, Виталий Раздрогин. Как ни старайся запомнить детали, их заслонят в памяти более значимые обстоятельства.

Так и оставшись в одном сапоге, Мамонт осторожно, на четвереньках, подобрался к курящейся отдушине, поймал парок ладонью, ощупал мшистый и заиндевевший бок упавшей сосны,

затем опустил руку в чернеющий круг, напоминающий нору суслика. И вдруг ощутил знакомый мерзкий запах зверя, спутать который невозможно ни с чем.

— Это берлога, — одними губами сказал он Инге. — Медвежья берлога.

И будто в ответ на его шёпот из недр земли послышалось глухое и грозное ворчание.

— Бежим отсюда! — выдохнула Инга. — Скорее!..

— Нет! — вдруг засмеялся он и достал пистолет. — Отойди подальше!

— Зачем? Не надо!..

— Пошла вон! — рывкнул он и, как мешок, перевалил её за колодину.

А глухой рёв на одной ноте только нарастал и готов был взорваться в любую секунду. Мамонт отломил сук от валежины, но сунуть в отдушину не успел — снег на том месте вдруг вздыбился, и в метре от ног появилась пегая, огромная голова. Одновременно громогласный устрашающий рык заполнил заледенелое пространство.

Мамонт стрелял в упор. Бил в широкий лоб, а думал, что надо бы в ухо. Пистолет дёрнулся в руке последний раз, и затворная рама осталась в заднем положении. Вспышки огня перед глазами ослепили его, оранжевые пятна плясали на снегу, и он, почти незрячий, лихорадочно искал в карманах запасную обойму, на всякий случай отскочив за валежину.

— Ты убил его! — то ли осуждала, то ли комментировала Инга, дёргая за полу фуфайки. — Ты убил! Убил!

Обойма нашлась в нагрудном кармане куртки. И пятно наконец сморгнулось: у колодины зияла чёрная дыра, курился обильный пар, словно из полыньи, и доносился низкий, почти человеческий стон. Мамонт зарядил пистолет и выстрелил ещё дважды, ориентируясь на звук.

— Зачем ты убил его? — спросила Инга, и он наконец разобрался в интонации: осуждала...

— Сейчас узнаешь, — бросил он и подобрался к отдушине.

Там, внизу, стало тихо, разве что доносился шорох, будто осыпался поток песка. И всё-таки соваться в непроглядный

мрак было опасно и боязно до внутренней дрожи. Мамонт достал нож, откинул лезвие и с пистолетом на изготовку полез вниз головой. И именно в этот миг вспомнился ему один из членов экспедиции Пилицина, которого подрал медведь, зимовавший в гроте. Тьма и неизвестность впереди напоминали открытый космос, и никакая психологическая подготовка не сняла бы врождённого, генетического страха перед мёртвой пустотой. Лаз оказался тесным только в устье, далее ход значительно расширился и круто уходил вниз. Тормозя грудью и плечами, Мамонт скрылся под землёй с ногами, и лишь тогда рука с ножом наткнулась на твердь...

Ощупал пространство — медведя не было! Сверху его звала Инга, что-то спрашивала, и он мысленно зло посылал её к черту. Протащившись метр вперёд, он с трудом встал на четвереньки и ткнулся головой во что-то мягкое, источающее влажное тепло. Должно быть, мёртвый зверь скатился в самый дальний угол берлоги, довольно глубокой, но узкой — всё-таки это был грот, естественная полость, давно облюбованная медведем: под коленями чувствовался мощный пласт травяного настила. Сначала Мамонт ощупал добычу, убедился, что зверь без всяких признаков жизни, и только после того спрятал пистолет. Теперь медведя следовало перевернуть с живота на спину, а сделать это в тесноте оказалось трудно, к тому же туша весила килограммов под триста. Кое-как Мамонт уложил его на бок и ощутил резкую слабость, обычную после пережитого стресса, вытер вспотевший лоб. В берлоге было душно, не хватало кислорода, хотя к воню он уже привык и не замечал тошнотворности запаха.

— Спускайся сюда! — крикнул он в зияющую пустоту лаза. — Быстро!

Сверху не донеслось ни звука. Он пополз к свету, упираясь ногами в стенки, высунул голову, совсем как медведь. Инга убежала вниз по склону, хватаясь за деревья, чтобы сохранить равновесие. Мамонт догнал её, схватил за шиворот и, не обращая внимания на сопротивление и злое пыхтение, потащил назад, к берлоге. Откуда и силы взялись... Возле лаза он опрокинул её и, как куклу, сунул головой в чёрную отдушину.

— Не хочу! — захрипела она. — Ты убийца! Зачем ты убил?

От её протеста отдавало сумасшествием: в момент сильного эмоционального переживания в ней обострилось то, что было самым слабым в её психике — болезненное отношение ко всякой смерти.

— Это зверь, — попытался отвлечь её от навязчивых мыслей Мамонт. — А мы с тобой — охотники, понимаешь? Так устроено в мире: человек всегда охотник, в том числе и за диким зверем.

— Он — беззащитный! — хотела крикнуть, но просипела она.

— Нет, это мы сейчас беззащитные! Потому что не звери, а люди, и нам не выжить без добычи. Мы умрём на морозе, а этот медведь — никогда.

— Это нечестно!

В ней ещё бродил и не сдавался обострённый стрессом юношеский максимализм.

— А я сказал: честно! — прорычал он в лицо. — Это был честный поединок.

Она не сломалась, но замолчала, выбившись из сил и не способная уже ко всякому сопротивлению.

— Помогай мне! — приказал Мамонт. — Зверя нужно перевернуть на спину.

— Зачем?..

— Не твоё дело! Помогай!

Окрики на неё ещё действовали. Он снова ухватился за лапу, задрал её вверх и стал рывками, по сантиметру, оттягивать зверя от стены, таким образом опрокидывая тушу на хребет. Инга тоже что-то делала, пытела рядом, и они часто стукались головами и встречались руками. Когда медведь наконец оказался на спине, Мамонт достал нож.

— Раздевайся!

— Как? — опять испугалась она. — Зачем?

— Не задавай дурацких вопросов! — Он всадил нож в брюхо зверя и стал вспарывать шкуру.

— Я не буду раздеваться! Не хочу!

— Тогда это сделаю я! — проревел Мамонт. — Живо раздевайся! Догола!

— Я замёрзну! — слабо воспротивилась она. — Не понимаю, что ты хочешь...

— Ты хочешь жить? Если хочешь, выполняй, что я требую.

Инга замолчала, зашуршала курткой. Мамонт вспорол зверю брюхо от грудной клетки до таза, на ощупь располосовал диафрагму, пахнуло теплом...

— Готова? Ну?!

— Нет ещё...

Он спрятал нож, перебрался через тушу и стал сдирать с Инги одежду. Вытряхнул, выпростал её из свитеров, штанов и нижнего белья, затем подхватил поперёк и стал заталкивать в горячее медвежье чрево.

— Что?.. Что ты делаешь? — бормотала она. — Что ты со мной делаешь?..

Мамонт упрятал её в тушу почти с головой, ногами в грудную клетку, стянул разрез на медвежьем брюхе, будто запахнул спальный мешок.

— Лежи, — сказал примирительно. — И постарайся уснуть. Считай, что ты — в материнском чреве. Придёт утро, и ты родишься во второй раз. А человек всегда рождается в крови и муках. Так что лежи спокойно. Сейчас тебе станет тепло и хорошо. Потому что нет ничего спасительнее материнского тепла...

Инга не отзывалась. Мамонт ощупью нашёл её лицо, послушал дыхание — спутница уже спала.

Он не обманывал, когда говорил о чудодейственности не просто биологического тепла, а материнского, особого тепла, поскольку добытый зверь оказался медведицей, и два вырезанных из чрева медвежонка вместе с маткой лежали сейчас в углу берлоги. Прежде чем угнездиться самому рядом с тушей, он взял их, вытащил наверх и забросил подальше в снег...

Во сне она стонала и плакала от боли — отходили обмороженные ноги. И он скрипел зубами, ощущая ту же боль, разламывающую пальцы, но ни разу не проснулся до конца, чтобы ощутить явь. Наконец, вырвавшись из тяжкой дремоты, он обнаружил, что на улице день и отражённый от снега яркий сол-

нечный свет достаёт до глубин медвежьей норы, так что можно различить свои руки.

Инга ещё спала, и лицо её смутно белело на чёрной шкуре. Мамонт густо смазал обмороженные и распухшие пальцы медвежьим жиром, намотал портянки и, пересиливая боль, загнал ноги в сапоги. Пока спутница не проснулась, следовало сходить и поискать спички: в мёрзлом снегу они не могли размокнуть. Однако едва он сунулся в лаз, как Инга окликнула громким, шипящим шёпотом — потеряла голос:

— Мамонт? Мамонт!.. Где я?

— Ничего не бойся.

Он потрогал её лицо.

— Я сейчас пойду искать спички. Потом разведу костёр и приму роды.

— Какие роды?

Она заспала всё, что было вчера, и это разгрузило её психику. Сейчас ей можно было рассказывать сказки...

— Тебя проглотил медведь. И когда у нас появится огонь, я достану тебя из брюха. Помнишь сказку про Красную Шапочку?..

— Нет, правда, где я? Наконец я согрелась, первый раз, даже тела не чувствую... Только ноги ноют.

— Говорю же, в медвежьем брюхе.

— Зачем ты обманываешь?.. Я уже не верю в сказки.

— А жаль... В таком случае, лежи и не шевелись. Береги тепло, скоро его не будет.

Он выбрался наружу и несколько минут не мог смотреть: резало глаза от сверкающего солнца и зернистого снега. Мороз давил градусов под тридцать, заиндевелившие деревья стояли неподвижно, будто соляные разводья в Зале Мёртвых. Мамонт прошёл своим старым следом к куче дров, первым делом поднял и отряхнул от снега волчий трюх, натянул его на голову, затем взял топор и принялся разгребать лезвием снег. Рыл почти до земли, медленно продвигаясь по пути своего безумного вчерашнего движения к призрачному старцу. Если бы успел чиркнуть спичкой, запалить заготовленную бересту, не было бы видения. Живой огонь в один миг вернул бы разум из-за роко-

вой черты, где начинается бесконтрольная игра воображения... И всё-таки откуда на Урале взялся ещё один снежный человек? Ведь давно уже, от самого водораздела, гонится он по его следам, проявляя то ли простое любопытство к себе подобному существу, то ли преследуя Мамонта с определёнными целями. Неужели хранители сокровищ Вар-Вар свели с ума и превратили в говорящую обезьяну не одного только Зямщица?..

Мамонт вскопал длинную гряду снега чуть ли не до следов снежного человека и ничего не нашёл. Он точно определил, где стоял, когда окликнула Инга, и как потом пошёл к пригрезившемуся Атенону, и в каком месте примерно выпустил из руки коробок, однако в снегу на этом вероятном пути движения его не было. Возвращаясь назад, к дровам, он внезапно увидел спичку, воткнувшуюся в снег вверх серной головкой! Она оказалась с правой стороны, значит, коробок должен лежать где-то слева. Убрав драгоценную спичку в бумажник, Мамонт встал на колени и принялся перелопачивать снег, постепенно увеличивая круг. И с подступающей тоской ощущал, как всё меньше и меньше остаётся надежды. Нельзя было допускать, чтобы она иссякла вообще.

Мамонт подстелил одеяло и сел на кучу дров, в который раз проигрывая в воображении вчерашние события. Здесь наверняка было заколдованное место, некая «чёрная дыра», куда улетало всё, что хоть на мгновение выпущено из рук или памяти. Замкнутый круг, обманчивое пространство, где почти не действует сила разума и логики. Всего в полукилометре перевал Дятлова, где накрылась целая группа туристов, кем-то напуганных, сбежавших полуголыми в мороз из тёплой палатки. А чуть подалее — зловещая гора Солат-Сяхла, Гора Мёртвых...

Может, постучался к ним или заглянул снежный человек? Или он и есть — дух смерти?..

Ноги начинало прихватывать, обмороженные пальцы быстро и безболезненно потеряли чувствительность. Мамонт подобрал оставленные вчера вещи и скорым шагом направился к берлоге. Нужно отогреться, хотя медвежья туша уже остыла и лишь в чреве ещё хранится тепло, «принять роды», запеленать новорождённую и снова искать, пока светло. Перерыть три раза, десять,

просеять весь снег, ибо от этого зависит жизнь. В медвежьем логове скоро станет так же холодно, как и на улице...

Найденную спичку оставить на самый крайний случай, когда иссякнет всякая надежда, ибо зажечь её без коробка не так-то просто, а пока она лежит целой, есть узкая щель из этой «чёрной дыры»...

Мамонт спустился в берлогу: оказалось, Инга спала и проснулась от шороха в горле лаза.

— Это ты? Мамонт? — испуганно зашептала она. — Кто заслонил свет?

— Вставай! — приказал он, нащупывая в темноте её одежду. — Пора тебе явиться на свет Божий.

— Но мне тепло, зачем?..

— Не заметишь, как вмёрзнешь в тушу!

Мамонт расширил отверстие у головы.

— Всё нужно делать в свой срок. Помнишь, у Экклезиаста...

— Я не читала Экклезиаста, — призналась она. — Скажи, где я?

— Если до сих пор не поняла — расскажу потом.

Он взял её за плечи и посадил почти насильно, рывком напялил на голову тонкий свитер, просунул руки в рукава.

— Почему я... влажная? И запах... крови?

— Не задавай глупых вопросов, — оборвал он и, приготовив брюки от спортивного костюма, вынул Ингу из чрева. — С днём рождения тебя!

— Мне так стало холодно, — сжалась она. — Почему так холодно?

— Сейчас запеленаю, — пробормотал он, натягивая брюки на скользкие, пропитанные внутренним медвежьим салом, бёдра. — Можешь покричать. В этом мире человек давно уже рождается со слезами.

— Как странно ты говоришь, — стуча зубами, вымолвила она.

— Сказку рассказываю.

Несмотря на все усилия, ступни ног её разбаранило, пальцы торчали врасстырку, как на надутой медицинской перчатке. Мамонт нарвал внутреннего сала, обложил им ноги и надел носки. Затем упаковал её ступни в волчий треух, обернул

сверху одеялом. В берлоге сильно похолодало, толстый подстил под ногами начинал смерзаться: лишь огромное животное телом своим способно было обогреть это жилище, поддерживать в нём плюсовую температуру. Чтобы выжить здесь человеку, надо было снять шкуру со зверя, разделать тушу и вынести мясо наружу. Из шкуры можно сшить спальный мешок мехом внутрь — на двоих будет впору, но сырое мясо есть не станешь, через сутки-другие желудок не примет...

Огонь! Нет человеку жизни без огня!

Идти искать вход в подземное царство Хранителей невозможно, пока не заживут обмороженные ноги. К концу дня уже вздуются волдыри, хорошо если обойдётся без омертвления тканей...

Мамонт соорудил из подстилки толстый кляп, заткнул лаз: всё равно свету недостаточно и уж лучше работать в полной темноте, на ощупь. Он усадил Ингу в дальний угол берлоги, где задняя стенка камеры была покатою, сходящей на клин, и взялся сдирать шкуру. Снял её с лап, потом с одного бока, и когда приступил ко второму, спутница неожиданно подала голос:

— Странно... Откуда-то тянет сквозняком.

Он бросил нож, пробрался к Инге, подставил влажные руки. Движение воздуха было! Только очень слабое, и тянуло из угла под самой кровлей. Мамонт ощупал стены — камень, слегка истрескавшийся монолит. Вполне возможно, что в берлоге имелась ещё отдушина, выходящая на поверхность. Всплеск радости иссяк так же быстро, как и возник. Но зато, пока он снимал шкуру, вспомнил ещё один способ добычи огня: попробовать выстрелить из пистолета в вату, надёрганную из фуфайки. Пулю от макаровского патрона без инструментов не вытащить, однако если привесить ком ваты к сухому дереву и пальнуть, вплотную приставив ствол, хлопок должен затлеть. Обязан!

Это настолько увлекло Мамонта, что он, едва закончив со шкурой, вынул кляп из лаза и выбрался наверх.

И не поверил своим глазам!

Там, на склоне, у края леса, где он вчера обронил спички, горел костёр и высокий, плотный столб дыма вертикально уходил в небо.